

В. Н. Порус

<https://orcid.org/0000-0002-2958-2185>**Тайна Клим Самгина**

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 1 7–03–00185
 «Отечественная литература в культуре современной России: философский анализ»

В статье сделана попытка «расшифровки» скрытого замысла М. Горького, считавшего роман «Жизнь Клим Самгина» своим посланием будущим поколениям. Этот роман десятилетиями воспринимался как исследование генотипа русского «мелкобуржуазного» интеллигента, проделавшего эволюцию от сочувственного участия в революционном движении до идейного противостояния большевизму и антисоветской деятельности в эмиграции. Вопреки декларациям самого Горького, сделанным под давлением политической обстановки в Советском Союзе в годы «великого перелома», и большевистской трактовке романа, предложенной А. Луначарским, замысел романа более глубок. Самгин – «манекен», пародия на особую разновидность русского интеллигента эпохи русских революций начала XX в. Этой социальной группе было свойственно стремление в кратчайший срок «пересадить» на почву российской действительности идеи и ценности европейской культуры, в первую очередь, принцип независимости и свободы личности. Осуществление этого принципа предполагает глубокую трансформацию этой почвы – всех форм общественного сознания и общественных институтов. В отсутствие таких преобразований «личностный принцип» вырождается в скептический индивидуализм и не может быть онтологическим основанием культуры. Вместе с тем «самгинизм» становится неизбежным итогом разрушения двух мифов – об интеллигенции (как социальном и культурном лидере нации) и о «народе» (как носителе духовного начала и нравственного сознания). Горькому удалось увидеть в Самгине «героя эры индивида», для которой характерно разочарование в универсальных культурных ценностях, отношение к ним как к «фикциям», нужным для приспособления к действительности, но не для ее преобразования. Роман Горького – не расчет с прошлым, а печальное пророчество о будущем.

Ключевые слова: Клим Самгин, Горький, русский интеллигент, индивидуализм, онтология культуры, культурные ценности.

V. N. Porus

Klim Samgin's Secret

In the article the attempt is made to «decode» the hidden plan of M. Gorky, who considers the novel «Klim Samgin's Life» to be the message to future generations. This novel was perceived as a research of the genotype of the Russian «petty-bourgeois» intellectual for decades, who made evolution from sympathetic participation in the revolutionary movement upto ideological opposition to the Bolshevism and anti-Soviet activity in emigration. Contrary to Gorky's declarations made under the pressure of the political situation in the Soviet Union in days of «a great change» and the Bolshevik interpretation of the novel, offered by A. Lunacharsky, the plan of the novel is deeper. Samgin is a «dummy», the parody to a special kind of the Russian intellectual of the era of the Russian revolutions in the beginning of the 20th century. The aspiration was peculiar to this social group in the shortest possible time «to replace» the ideas and values of the European culture in the soil of the Russian reality, first of all, the principle of independence and personal freedom. Implementation of this principle assumes deep transformation of this soil – all forms of public consciousness and public institutes. When there is a lack of such transformations «personal principle» degenerates in skeptical individualism and can not be the ontologic basis of culture. At the same time, «samginizm» becomes an inevitable result of destruction of two myths – about the intellectuals (as a social and cultural leader of the nation) and about «people» (as the carrier of the spiritual beginning and moral consciousness). Gorky managed to see Samgin as «the hero of the era of the individual» for whom the disappointment in universal cultural values, the attitude towards them as to «fictions» which are necessary for adaptation to reality, but not for its transformation, are typical. The novel by Gorky is not payment with the past, but a sad prophecy about the future.

Keywords: Klim Samgin, Gorky, Russian intellectual, individualism, culture ontology, cultural values.

Помню чувство, когда я впервые прочитал «Жизнь Клим Самгина». У каждого человека есть тайное, укрытое от чужих глаз пространство внутреннего мира, куда он впускает немногих – изредка и с опаской. Такие уголки, куда и самому заглядывать неловко. А если кто-то входит в это пространство, располагается в нем и рассказывает некую правду о тебе? Правду, какую не хотелось бы знать. Тем более понимать, что тайны нет, что ты – весь – выставлен напоказ.

Клим Самгин входит в душу есенинским «черным человеком». От него не отмахнешься, как от

наваждения, и зеркало разбить – не получится. Еще понятно, если бы Самгин был «нелюдь», воплощением зла и носителем психопатического бреда, как Максимилиан Ауэ, «герой» «Благоволительниц» Джонатана Литтелла. Но Клим слишком знаком, обыденно реален. И если ты учуял его в себе, это надолго – как что-то такое, в чем трудно признаться.

«Какую поистине тотальную разочарованность надо прятать в душе, чтобы все силы угрохать в гигантское жизнеописание НЕЛЮБИМОГО героя» [1, с. 70]. Роман похож на глыбу, от которой не отсечено

слишком многого. Страницы, отмеченные гениальностью, как золотые прожилки в руде, блестят хрестоматийным глянецом на фоне тягучего, невыносимо подробного содержания. Сотни персонажей играют роль зеркал, в которых отражается в разных ракурсах и позах главный герой, чтобы затем исчезнуть, – кто в смерть, кто в забвение. Кажется, это даже не роман, а развернутый в четыре тома замысел романа. Рассказ, не доходящий до финала. («Нужно учитывать, что «Жизнь Клима Самгина» не есть законченный, отделанный, цельный шедевр, – это в определенной степени и в некоторых частях еще живая запись творческого процесса, лаборатория, даже в определенных местах “полуфабрикат”». Но недоделки, недоработки нельзя выдавать за достоинства, видеть суть и цель, опору и окончательный результат в том, что было лишь грубой “наметкой”, “белыми нитками”, которые убираются, когда накладывается основной окончательный шов» [11, с. 125].) Эта многословная недоговоренность, компенсируемая авторскими ремарками-подсказками, как из суфлерской будки, относительно поступков или свойств характера героя... Она оставляет странное впечатление: уже все как будто сказано, а между тем главные вопросы – без ответа.

Горький писал «Самгина» мучительно долго – как будто исполнял тяжкую обязанность (первоначальный план – написать роман за год-полтора – растянулся на 12 лет и не был выполнен до конца). Писал, словно сводя трудные счета с самим собой, со своим участием в событиях, составивших канву жизни его героя.

Замысел, который Горький объяснил стране, приведенной к «великому перелому» в 1931 г., состоял в анатомическом исследовании внутреннего мира «типичного интеллигента», прошедшего скользкий путь от сочувствия революции и участия в ней до враждебного ее отрицания: «...интеллигенция, которая живет в эмиграции за границей, клеветает на Союз Советов, организует заговоры и вообще занимается подлостями, эта интеллигенция в большинстве состоит из Самгиных» [5, т. 19, с. 542]. Таким был публичный отчет Горького о своем замысле. Такова цена, какую он платил за свое вращение в жизнь, скроенную по сталинским лекалам. И это было и осталось одним из оснований, по которым писателя обвиняли в том, что он оскорбил и унизил всю русскую интеллигенцию. Более того – идейно благословил расправы над нею, физические и духовные. Но роман, живя собственной жизнью, не зависящей от политических и идеологических конъюнктур, противится простому и однозначному толкованию.

Он таит в себе загадку, которую Горький своим творческим завещанием (так он называл роман)

оставил будущим поколениям. Он сам об этом говорил Валентине Ходасевич: «Сначала этот роман никто не поймет, будут ругать, да уже и ругают. Лет через пятнадцать кое-кто начнет смекать, в чем суть, через двадцать пять – академики рассердятся, а через пятьдесят – будут говорить: «Был такой писатель Максим Горький – очень много написал и все очень плохо, а если что и осталось от него, так это роман «Жизнь Клима Самгина» [14, с. 58].

Горький – первоклассный писатель. Невозможно, чтобы он не сознавал несовершенство романа, идеологическую «перегрузку» его центрального образа. И если он так говорил о нем, значит, тайна, скрытая в романе, слишком многое значила для него.

Лев Аннинский прав: конечно, Самгин – нелюбимый герой. Горький выворачивает наизнанку его душу, обнажая ее тайники. Если такова была цель, то она достигнута: объемный роман (полторы тысячи страниц!) был прочитан с яростным пристрастием. Многие узнали в Климе самих себя – и кто со стыдом, кто с негодованием отреклись от него.

Одно из предполагавшихся Горьким названий романа – «История пустой души». Чутье художника удержало его от прямолинейности, но роман действительно об этом: об отражении эпохи в пустоте.

Пустота эта – особого рода. Она – под яркой оболочкой, наподобие расписного шарика, надутого воздухом. Самгин образован, начитан, разбирается в философии, музыке, поэзии, живописи, легко улавливает носящиеся в интеллигентской атмосфере идеи, отбирает из них созвучные его настроениям и желаниям, чтобы при случае козырнуть ими как собственными «выстрадаанными» мыслями. На людей своего круга он производит впечатление глубокого, напряженно-духовного человека. Это ему льстит, он хотел бы слыть именно таковым. Мало того, он и сам хотел бы верить, что это впечатление – верное. При удобном случае он демонстрирует свою причастность высокой культуре, ее «кодам», символам. Это возвышает его в собственных глазах и оправдывает явное или скрытое презрение к тем, от кого он отделен культурным барьером. «За нами – несколько поколений людей, воспитанных всею сложностью культурной жизни <...>. Именно мой демократизм обязывает меня видеть всю глубину различия между мною и полудикарями» [5, т. 20, с. 281].

Однако Самгин слишком умен, чтобы не осознавать несоответствие своего внутреннего мира «имиджу», с которым он предстает перед людьми. Он внимательно прислушивается к «внутреннему голосу», иронически, а иногда саркастически и злобно комментирующему жизненные ситуации. Его обычное состояние – непрерывная едкая рефлексия. Такая едкая, что он не вполне различает, какая часть

его жизни – настоящая: та, о которой знают все, или та, что в подполье его ума и чувства. «Моя жизнь – монолог; а думаю я диалогом, всегда кому-то что-то доказываю. Как будто внутри меня живет кто-то чужой, враждебный, он следит за каждой мыслью моей, и я боюсь его» [5, т. 22, с. 9].

Кажется, что-то похожее говорил лермонтовский Печорин. Но сходство поверхностное. Григорий Александрович жил, очертя голову, пытал судьбу и, не получая от нее ответов на свои вопросы, попадал под присмотр и скептический суд своей мысли. Почти все поступки Клима Ивановича совершаются им словно бы против воли, навязаны ему обстоятельствами. От них не уйти, но они неинтересны ему – как связи между разговорами, в том числе с самим собой, составляющими все содержание его странного существования. Жизнь втягивает его в свои водовороты: убийства, болезни, смерть и страдания людей, теракты, наконец, революции. Но, покружившись в них, он неизменно выбирается на кочку стороннего наблюдения и рефлексии. Научившись умно молчать, он редко бывает искренним. Искренность опасна, она обнажает, делает уязвимым. Об отдельных эмоциональных вспышках, когда Самгин говорит то, что думает, не заботясь о своем имидже, он потом вспоминает со стыдом и жалостью к себе.

Едкой рефлексии нужно питаться «извне», чтобы не стать пустой игрой в слова. Ее пища – сравнение с другими людьми. Самгин ревниво всматривается в тех, кто его окружает, не упуская случая отметить свое превосходство над ними, а когда сравнение не в его пользу, смакует завистливую неприязнь. В юности он «считал необходимым искать в товарищах недостатки; он даже беспокоился, не находя их, но беспокоиться приходилось редко, “у него выработалась точная мера: все, что ему не нравилось или возбуждало чувство зависти, – все это было плохо”» [5, т. 19, с. 69]. С годами Самгин научается иронизировать и над этой мерой: умному человеку пристало понимать условность своих суждений. Иногда он нисходит до насмешливой лести самому себе: «В сущности – я бездарен» [5, т. 19, с. 313]. Ирония и рефлексия, сдобренные легким кокетством, могут сойти за искренность и приподнимают над обыденностью. Только бы про твою бездарность не проведдали другие.

Но Самгин вовсе не считает себя бездарным. «Я – не бездарен. Я умею видеть нечто, чего другие не видят» [5, т. 22, с. 12]. Ему всегда – с юности до зрелых лет – необходимо уверяться в своей значительности, да так, чтобы и самому не распознать подмену и обман. Утомительно и скучно. Но что если сомнения одолевают? Самгин привык сопоставлять себя с другими так, чтобы быть в гарантированном выигрыше. «Люди были интересны Сам-

гину настолько, насколько он, присматриваясь к ним, видел себя не похожим на них» [5, т. 22, с. 150]. Быть не таким, как все, сопротивляться всяческому уравниванию – принцип его самоопределения. Даже жизненный проигрыш, когда от участия в событиях остается горечь неудачи, он оборачивает в свидетельство своей значимости: «Всю жизнь я испытываю священную неудовлетворенность событиями, людьми, самим собою. Эта неудовлетворенность может быть только признаком большой духовной силы» [5, т. 22б, с. 146].

Навык приспособления к реальности часто выручает Самгина. Когда обстоятельства складываются удачно и можно пожинать плоды успеха, он доволен собой и даже высокомерен: воображает себя «одной из тех личностей, бытие которых окрашивает эпохи» [5, т. 20, с. 281]. Но успехи проходят, а страх живет. Клим сравнивает себя с канатоходцем, балансирующим над пропастью: «Я ни с кем и ни с чем не связан, – напомнил он себе, – действительность мне враждебна. Я хожу над нею, как по канату» [5, т. 21, с. 122]. Упасть в действительность – обнаружить внутреннюю пустоту, чего Самгин боится больше всего. Когда падение становится фактом, история «пустой души» прерывается.

Горький оставил роман незавершенным. Физически убрать со сцены своего героя, раздавленного человеческим потоком, вливающимся в революцию, он не решился. Пустоту не уничтожить вместе с телесной ее оболочкой. Д. Л. Быков заметил, что Самгин – как социальный тип – поразительно живуч: «Самгин встроится и в советский мир, и чудовищно в нем расплодится», «большая часть советской верхушки состояла из Самгиных – они ведь водятся не только среди интеллигенции» [2, с. 282]. Почему бы не в постсоветскую, позволим себе спросить. Разве что из-за краткости жизненного срока...

Что такое эта внутренняя пустота Самгина? А. В. Луначарский выводил ее из принадлежности Самгина к *мелкобуржуазной интеллигенции* с ее межеемочным (внеклассовым) социальным статусом в эпоху революций и социальных потрясений. Горький, считал он, создал художественный тип интеллигента-индивидуалиста, всегда оказывающегося на перекрестке различных идей, которые втягиваются его внутренней пустотой, но не заполняют ее, а только дают возможность постоянной смены масок, соответствующих этим идеям [9]. Особую заслугу писателя философствующий нарком просвещения видел в том, что этот художественный тип оказался *разоблачительным*: «самгинство» стало клеймом, которым должен быть отмечен потенциал двурушничества, внутренней изломанности, готовности к предательству. Нет сомнений, что такая оценка в известный момент советской истории стала идеоло-

гическим аргументом репрессий, направленных против реального или мнимого, вымышленного «интеллигентского сопротивления» коммунистической диктатуре.

В этом ли состояла тайна, оставленная Горьким потомкам? Какая же это тайна, если «разоблачительная» интенция романа подчеркивалась и навязывалась читателю?

В романе множество аллюзий, намеков и прямых указаний на выморочность «интеллигентщины», к которой причислен Самгин. Психологические черты Клима Ивановича поданы как симптомы этой выморочности. Шаткий баланс между взятыми из культовых книг представлениями о чести, уважении к интеллекту, о «священном долге перед народом», критериями порядочности и возвышенности чувств – и скепсисом, презрением к людям, чье существование срослось со «свинцовыми мерзостями», страхом за свою шкуру, слабоволием и лицемерием. Хождение над жизнью, как по канату...

Изумленный и напуганный кровавыми событиями 1905 г. и последовавшей за ними оголтелой реакцией, Самгин сочувственно прислушивается к авторам «Вех», обвинившим интеллигенцию в том, что она стала подстрекателем масс к бунту против существующих порядков, в то время как сама она заражена нигилизмом, то есть отрицанием абсолютных ценностей, и возводит подыгрывавшие настроениям масс требования «равенства» и «справедливости» в распределении материальных благ в ранг моральных постулатов. «Почему я не мог оформить мой опыт так же просто и ясно?» – спрашивает он себя. Но затем отмечает с чувством гордости: «В этой книге есть идеи, очень близкие мне, быть может, рожденные, посеянные мною» [5, т. 22, с. 223]. Самгин преувеличивает. Ему, очевидно, льстит созвучие идей, ставших предостережением русскому интеллигентскому «революционаризму» [3], его собственным критическим эскападам. Но тут обнаруживается диссонанс, в котором – все различие между «веховцами» и Самгиным.

Один из авторов «Вех», С. Л. Франк, писал: «Это умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишенным веры в абсолютные ценности, можно назвать морализмом, и именно такой нигилистический морализм и образует существо мировоззрения русского интеллигента» [13, с. 86].

Однако Клима Самгина, в отличие от Франка, все не уверен в том, что мораль обладает «безграничной и самодержавной властью» над его сознанием. Мораль, как он не раз убеждался, есть ширма, за которой люди прячут свои намерения и поступки; фон, на котором проступает благопристойный

«имидж» интеллигента. Именно поэтому и следует беречь ее в целостности и сохранности – из соображений удобства. А от бунтарских замахов и призывов нет иной защиты, кроме готовой к насилию власти.

И он согласно кивает словам М. Гершензона (в романе его зовут Прейсом): «Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [4, с. 89–90]. Гершензон счел необходимым разъяснить свои слова в примечании ко второму изданию «Вех»: «Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. – Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их; напротив, я вижу в них Немезиду. Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, *против* которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет она того или не хочет. “Должны” в моей фразе значит “обречены”: мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, – в этом и заключается ужас, и на это я указываю» [4, с. 90].

Самгин мог бы подписаться под этими словами. Он боится и репрессий, совершаемых озверевшей с перепугу властью, и бессмысленного бунта разъяренной толпы, ненавидящей чуть ли не больше, чем власть, «чужаков», лишенных *человеческой*, то есть понятной массе, души. Всматриваясь в свое будущее, он видит две равно безрадостные перспективы: пойти на службу к богатым «быкам», занять этой службой жизнь, бесславно принося ее в жертву какому-то равнодушно-жестокому богу, или столь же тщетно служить толпе «полудикарей», с которыми у него нет ничего общего, кроме сомнительной принадлежности к одному «народу».

И та, и другая перспективы связаны с признанием определенных идей как смысложизненных ориентиров, но Самгин видит в таких идеях только «фразы»-ширмы. Он пытается найти за этими ширмами себя, но ничего, кроме права на постоянное сомнение, предъявить в доказательство своей идентичности не может. «Заменяют одну систему фраз другой, когда-то уже пытавшейся ограничить свобо-

ду моей мысли. Хотят, чтоб я верил, когда я хочу знать. Хотят отнять у меня право сомневаться» [5, т. 22, с. 228]. Он цепляется за это право, как цеплялся за брошенный ему ремень Борис Варавка, утопающий в полынье. И знает, что в решительный момент никто – как когда-то он сам – не станет рисковать жизнью ради чуждой и нежеланной цели. И останется только рефрен сомнения: «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?». Может, и не было сомневающегося во всем и превыше всего ставящего это свое сомнение Клима Самгина, русского интеллигента, затесавшегося в грозное время социальных потрясений?

Что значило в это время быть интеллигентом? В особом смысле, рожденным историческими условиями России, это значило, по словам Г. П. Федотова, относиться к группе, движению и традиции, объединяемым «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» [12, с. 71–72]. Слова эти были сказаны в 1926 г., уже после того, как духовная трагедия русской интеллигенции стала совершившимся историческим фактом. В них схвачена суть безвыходного противоречия между радикальностью требований личностной свободы как условия свободного развития общества и жизненными притязаниями большинства «народа», о судьбе которого, как они с той или иной степенью искренности полагали, пеклись интеллигенты.

Эта попечительская миссия, лежащая в подоплеке «служения народу», принимавшего квазирелигиозную форму и требовавшего от адептов героизма и самопожертвования, вырождалась в «вождизм» и идеологию «высокой цели, оправдывающей любые средства ее достижения». Любые – в том числе и те, которые разрушали основания культуры с ее моралью и смысложизненными ориентирами, которые были так важны Климу Самгину.

Самгин как будто не видит грани, отделяющей «служение народу» от властного стремления поставить народные движения на службу своим интересам и амбициям. Точнее, не хочет ее видеть, потому что это различие требует от него сущностного самоопределения, отказа от позиции вечного скептика.

Поэтому Самгин со страхом и недоверием относится к тем интеллигентам, которые с квазирелигиозным энтузиазмом берут на себя эту миссию. «У него была органическая неприязнь к этим людям красивых слов, к людям, которые, видимо, серьезно верили, что они уже не только европейцы, но и парижане» [5, т. 20, с. 390]. Он саркастически называет их «объясняющими господами», претендующими на то, чтобы их мысли

и ценностные установки были приняты без сомнений и колебаний. И эти претензии противны Самгину, так ценящему свой «имидж» критически мыслящей и свободной личности.

Но в какой мере справедливо относить Самгина к интеллигенции? Если взять «определение» Г. П. Федотова, Самгин – не интеллигент: он не ставит перед собой идейных задач, скептически оценивает даже возможность своего участия в их решении. Он осознает беспочвенность интеллигентских идей, но его скепсис по отношению к ним не менее беспочвен. По условиям своей жизни – воспитанию, образованию, профессии, кругу интересов и эстетическим предпочтениям – он, так сказать, включен в «реестр» социальной группы, маркируемой этим термином. Он похож на интеллигента, как манекен в магазине готовой одежды – на человека, которому эта одежда предназначена.

Самгин – манекен русского интеллигента. Ему подобает слово-метка, вошедшее в философский обиход несколько десятилетий спустя после событий, описанных в романе. Он – *симулякр*, телесная и словесная оболочка «пустой души».

Эта пустота обнаруживается, когда Самгин входит в близкие отношения с людьми, уступая душевному и телесному голоду, пытаясь вырваться из собственного одиночества. Люди, особенно женщины, рано или поздно распознают в нем «чужое», равнодушное существо, более или менее успешно имитирующее чувства – сочувствие, любовь, дружбу, нежность, даже страдание. Пустота приемлет в себя все, что с настойчивой силой стремится заполнить ее. Самгин в разные периоды своей жизни позволяет себе увлекаться чужими идеями, даже иногда выдает их за собственные мысли. Большевицкая идеология влечет его напористостью, суровой волей к власти над народной стихией, «веховское» звание к культурной миссии и проповедь служения высшим идеалам – культу ртрегерской заботой, пропаганда единения народа и власти в годы мировой войны – ощущением прочности жизненных оснований. Идеи сталкиваются, поочередно уступая одна другой первенство во внутреннем мире Самгина и, соответственно, влияя на его поступки, но это только имитация духовной жизни, а не сама жизнь.

На чем держится эта имитация? Не следует искать ее основу в психологии нелюбимого героя горьковского романа. Наоборот, психологические черты Самгина «подогнаны» под его роль симулякра. Нельзя сказать, что Горький вывел в Самгине *типичного* представителя русской интелли-

генции, то есть показал, что это понятие обнимает собой множество «пустых душ», эволюция которых ведет их к роли озлобленных неудачников и клеветников на Страну Советов. Это неправда, в какие бы идеологические и политические драпировки ее ни укутывали большевистские идеологи, чей «социальный заказ» будто бы выполнял Горький. То, как этот заказ выполнялся, скорее скрывало глубинный смысл его замысла – тайну, на которую он осторожно намекнул в упомянутом разговоре с В. Ходасевич.

Самгин – пародия на русского интеллигента. Он принадлежит социальной группе, которая характеризуется стремлением «одним махом», в одночасье пересадить на почву русской действительности идеи и ценности европейской культуры. Это «русские европейцы» особого типа: они из широкого спектра ценностей-универсалий, характеризующих европейскую культуру, прежде всего, восприняли как непреложное условие своего бытия принцип независимости и свободы индивида (личностный принцип). Этот принцип был выстрадан многовековой европейской историей, чтобы стать краеугольным камнем, онтологическим основанием идеального проекта культуры. В той мере, в какой этот проект осуществлялся в Европе и приобретал зримые черты – в цивилизационных формах, он был привлекательной целью и мечтой, «землей обетованной», куда стремились упования «русских европейцев». Отсюда их «нетерпение сердца», желание внедрить этот принцип в России, не считаясь с исторически обусловленными обстоятельствами. Отсюда же утопизм их мечтаний и неудачи проектов немедленной европеизации России.

Культурная онтологизация личностного принципа – процесс длительный и многосторонний. Его осуществление предполагает глубокие изменения всех сфер жизни, включая, помимо массового образования и формирования соответствующего культурного спроса, возникновение и развитие институтов частной собственности, правовых гарантий свободного и инициативного участия граждан в экономических, политических и культурных предприятиях, а также сознательного признания и одобрения таких институтов большинством населения. При отсутствии или слабости этих факторов воплощение в жизнь личностного принципа неизбежно встречает сопротивление традиционных устоев и социальных отношений. Это сопротивление может принимать агрессивные, репрессивные формы, опирающиеся на силу власти, стремящейся сохранить выгодный ей *status quo*. А сам принцип, приспособляющийся к этому давлению, меняет свое содержание, вы-

рождается в индивидуализм, ищущий для себя «подпольных» форм, переходящий в потаенную сферу душевных переживаний. Перестает быть онтологическим основанием культуры.

По точному замечанию В. К. Кантора, «подлинный европеизм произрастает изнутри своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ... Не сумевший преодолеть свою почву, а потому беспочвенный русский европейски образованный человек был типичен для барско-интеллигентского большинства, не ощутившего еще ценности своего личного бытия, – основы европейского мироощущения» [6, с. 3].

И это относится не только к «барско-интеллигентскому большинству» с европейским образованием, но и к той части служивой («разночинной») интеллигенции, которая также не преодолела свою почву, хотя «вышла из народа», получила доступ к образованию и выбилась в «продвинутые», более обеспеченные слои общества благодаря личным усилиям и способностям и потому высоко ценила индивидуальное начало, действительную волю к жизненному успеху.

Отсюда противоречивый плюрализм интеллигентских мироощущений: с одной стороны, болезненно обостренное желание «быть суверенной личностью», возвысить ее ценность, возвести в культ, с другой – неспособность и нежелание признавать эту суверенность в других, особенно в тех, кто не образован и не знаком с европейскими культурными ценностями, с третьей – душевный дискомфорт, рефлексивные терзания из-за своей неполноценности. Суверенность личности, обернувшаяся эгоизмом и раздутым самоощущением.

«Самоценность личности» становилась чем-то вроде импортной тряпки, которой щеголяют при известных обстоятельствах, но сбрасывают, когда щегольство неуместно и опасно.

Таково парадоксальное устройство романа. Гигантские исторические события образуют фон, на котором перед глазами читателя мельтешит малопривлекательная пародийная фигурка, почему-то приковывающая к себе внимание, словно бы это был действительно очень важный вопрос, к какому итогу придет сорокалетняя эпопея жизни адвоката Клим Самгина. Неужели это внимание удерживается подробной демонстрацией ничтожества претензий на духовное и социальное лидерство мелкобуржуазной интеллигенции? Стоило ли ради этой цели городить такой масштабный огород?

Если даже первоначальный замысел Горького был именно таким, за долгие годы работы над романом писатель, скорее всего, осознал, что стоит перед иной, более глубокой, проблемой.

Он понял, что его Самгин – не маргинальная фигура российской исторической сцены. Это «герой наступающего времени», его провозвестник. На сцену российской, да и мировой истории выходит новый персонаж, которому, как, вероятно, открылось Горькому, еще предстоит сыграть заметную роль. Эпоха революций может стать – и в России быстро становится – преддверием «эры индивида» [10], характеризующейся нарастанием отчужденности индивидов от целей, какими «организаторы и вдохновители» массовых движений объясняют и оправдывают неимоверность усилий, в том числе жертвенных, которыми опрокидываются существующие социально-экономические и политические порядки, меняются основные жизненные ориентации. «Эра индивида» наступает как реакция на угасание политической субъектности. «Люди становятся субъектами, то есть существами, способными к «самозаконодательству», по принуждению обстоятельств, с которыми они не могут иным образом справиться, а не по зову своей нравственной природы. И эта свобода, и эта субъектная форма их существования есть для них средства преодоления возникших затруднений, а не самоцель» [7, с. 37]. Изменяются обстоятельства, и политическая субъектность (вдохновляемая *словами* о «свободе») перестает быть необходимой. Она сменяется иными формами субъектности, в первую очередь – такими, которые переносят всю активность индивида «вовнутрь» его духа, тогда как внешние формы его деятельности практически полностью соответствуют требованиям новых обстоятельств.

Иными словами, вслед за революционными вспышками всегда наступает время новой стабилизации социального мира, в котором условием более-менее выживания индивида становится успешность его приспособления к действительности. Разлад, который мог бы мучить его душу – между внутренней, «тайной» свободой и внешним срастанием с несвободным миром – был бы невыносим, если бы его нельзя было ослабить или вовсе устранить. Но большинство индивидов позволяют своему внутреннему миру изменяться по требованиям мира внешнего; «тайная свобода» бесславно угасает именно из-за своей сокрытости, привыкает к «укромному», относительно безопасному существованию. И это во многом облегчается гипертрофированным критицизмом по отношению к идеям. В том чис-

ле – к идее свободы: распознав в ней приманку для верующих в путь, указуемый «объясняющими господами», критически мыслящий Самгин разочаровывается в «свободе» как универсальной ценности, оставляя ее значимость только для своих внутренних переживаний. Внутри мира самгиных все ценности равны – как полезные фикции, предназначенные, чтобы примирение с действительностью могло состояться в более удобных и комфортных условиях.

Горьковский «герой наступающего нашего времени» не успел осознать свою значимость как проекта всеобщего приспособленчества. Возможно, поэтому роман и остался неоконченным. Его дописала жизнь, и сделала это вовсе не так, как предполагал Луначарский, да и сам Горький. Всего через несколько десятилетий после того, как «самгинизм» был идейно репрессирован, он восстал из мертвых, был реабилитирован и осознан как приемлемый модус индивидуального развития. Самгин вписался в действительность России на рубеже прошлого и нынешнего веков и стал едва ли не типичным представителем новой интеллигенции, сохранившей со времен Горького и Федотова разве что свое название – отзвук былого.

Историческое время выписывает сложные пируэты, иногда оно даже выглядит как движение по кругам с уменьшающимся радиусом – вплоть до стягивания в точку. Разумеется, правомерен вопрос о долгосрочности нового бытия Самгина как культурно-исторического типа. Здесь многое зависит от прочности и устойчивости основ, на которых выстроена современность. Трещины в этих основах теперь уже вряд ли возможно долго замазывать быстро высыхающей идеологической штукатуркой. Когда вопрос «Как жить дальше?» встанет со всей возможной остротой, а идея свободы вновь обретет ценностно-универсальный смысл и перестанет быть лишь словом, обозначающим оптимум ориентаций индивида в лабиринте политических и экономических ограничений, политическая субъектность вновь заявит о себе как фактор социального и личностного развития, проблема «самгинизма» вновь актуализируется.

Горький глубоко запрятал тайну своего романа. Пожалуй, стоит попытаться ее раскрыть, чтобы уловить его пророческий смысл.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва: РИО ЯГПУ, 2018 [9].

Библиографический список

1. Аннинский, Л. А. Откровение и сокровение. Максим Горький и Андрей Платонов [Текст] / Л. А. Аннинский // Андрей Платонов: философское дело : сборник научных статей ; под ред. В. В. Варавы, С. А. Никольского. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 6–74.
2. Быков, Д. Л. Был ли Горький? (Биографический очерк) [Текст] / Д. Л. Быков. – М. : АСТ, Астрель, 2009. – 348 с.
3. Гайденко, П. П. «Вехи»: неслышанное предостережение [Текст] / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 103–122.
4. Гершензон, М. О. Творческое самосознание [Текст] / М. О. Гершензон // Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С. 73–96.
5. Горький, М. Собрание сочинений : в 30 томах [Текст] / М. Горький. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1949–1955.
6. Кантор, В. К. Русский европеец как задача России [Электронный ресурс] / В. К. Кантор // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. – 2004. – № 1. – С. 3. – Режим доступа: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html> (дата обращения: 5.05.2018).
7. Капустин, Б. О предмете и употреблении понятия «революция» [Текст] / Б. Капустин // Логос. – 2008. – № 6. – С. 3–47.
8. Луначарский, А. В. Собрание сочинений : в восьми томах. – Т. 2 [Текст] / А. В. Луначарский. – М. : Художественная литература, 1964. – 702 с.
9. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
10. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности [Текст] / А. Рено ; пер. с французского. – М. : Владимир Даль, 2002. – 471 с.
11. Сухих, С. И. Заблуждения и прозрения Максима Горького [Текст] / С. И. Сухих. – Нижний Новгород : Поволжье, 2007. – 216 с.
12. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – С. 66–101.
13. Франк, С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) [Текст] / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – С. 77–112.
14. Ходасевич, В. М. Таким я знала Горького [Текст] / В. М. Ходасевич // Новый мир. – 1968. – № 3. – С. 11–66.

Reference List

1. Anninskij, L. A. Otkrovenie i sokrovenie. Maksim Gor'kij i Andrej Platonov = Revelation and secrecy. Maxim Gorky and Andrey Platonov [Текст] / L. A. Anninskij // Andrej

Platonov: filosofskoe delo : sbornik nauchnyh statej ; pod red. V. V. Varavy, S. A. Nikol'skogo. – Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2014. – S. 6–74.

2. Bykov, D. L. Byl li Gor'kij? = Was it Gorky? (Biograficheskij ocherk) [Текст] / D. L. Bykov. – М. : AST, Astrel', 2009. – 348 s.

3. Gajdenko, P. P. «Vehi»: neuslyshannoe predosterezhenie = «Vekhi»: not heard caution [Текст] / P. P. Gajdenko // Voprosy filosofii. – 1992. – № 2. – S. 103–122.

4. Gershenzon, M. O. Tvorcheskoe samosoznanie = Creative consciousness [Текст] / M. O. Gershenzon // Vehi. Iz glubiny. – М. : Pravda, 1991. – S. 73–96.

5. Gor'kij, M. Sbranie sochinenij : v 30 tomah = Collection works: in 30 volumes [Текст] / M. Gor'kij. – М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1949–1955.

6. Kantor, V. K. Russkij evropeec kak zadacha Rossii = A Russian European as a problem of Russia [Elektronnyj resurs] / V. K. Kantor // Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kul'tury – Russkoe izdanie = Forum of the contemporary East European history and culture – the Russian edition. – 2004. – № 1. – S. 3. – Rezhim dostupa: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html> (data obrashhenija: 5.05.2018).

7. Kapustin, B. O predmete i upotreblenijah ponjatija «revolucija» = About a subject and the uses of the concept «revolution» [Текст] / B. Kapustin // Logos. – 2008. – № 6. – S. 3–47.

8. Lunacharskij, A. V. Sbranie sochinenij : v vos'mi tomah. – Т. 2 = Collection works: in eight volumes. – V. 2 [Текст] / A. V. Lunacharskij. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1964. – 702 s.

9. Problemy rossijskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and the Russian province. To the 150 anniversary since the birth [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.

10. Reno, A. Jera individa. K istorii sub#ektivnosti = Era of the individual. To subjectivity history [Текст] / A. Reno ; per. s francuzskogo. – М. : Vladimir Dal', 2002. – 471 s.

11. Suhij, S. I. Zabluzhdenija i prozrenija Maksima Gor'kogo = Delusions and Maxim Gorky's insights [Текст] / S. I. Suhij. – Nizhnij Novgorod : Povolzh'e, 2007. – 216 s.

12. Fedotov, G. P. Tragedija intell = Tragedy of the intellectuals igencii [Текст] / G. P. Fedotov // Fedotov G. P. Sud'ba i grehi Rossii: Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. – SPb. : Sofija, 1991. – Т. 1. – S. 66–101.

13. Frank, S. L. Jetika nigilizma (K karakteristike нравstvennogo mirovozzrenija russkoj intelligencii) = Nihilism aethics (To the characteristic of the moral outlook of Russian intelligentsia) [Текст] / S. L. Frank // Sochinenija. – М. : Pravda, 1990. – S. 77–112.

14. Hodasevich, V. M. Takim ja znala Gor'kogo = The Gorky whom I knew [Текст] / V. M. Hodasevich // Novyj mir. – 1968. – № 3. – S. 11–66.